

Наука в лицах

Чуковские *Из личных воспоминаний*

Леонид Петрович Крысин, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва),
leonid-krysin@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170008307-6

АННОТАЦИЯ: Воспоминания посвящены личным встречам автора с тремя выдающимися представителями семьи Чуковских, принадлежащими трем поколениям, — с самим Корнеем Ивановичем, всемирно известным детским писателем, критиком, литературоведом, переводчиком, его дочерью Лидией Корнеевной и внучкой Еленой Цезаревной (Люшей). Рассказывается о работе по подготовке к изданию писем К. И. Чуковского и комментариев к ним, о борьбе за дом К. И. Чуковского в Переделкине (который далеко не сразу получил статус музея), об участии в хранении архива А. И. Солженицына и распространении его рукописей.

для цитирования: Крысин Л. П. Чуковские. Из личных воспоминаний // Русская речь. 2020. № 1. С. 102–117. DOI: 10.31857/S013161170008307-6.

Science and Persons

Chukovskie *Private memories*

Leonid P. Krysin, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)
(Russia, Moscow), leonid-krysin@mail.ru

ABSTRACT: The author shares memories of his face-to-face meetings with three remarkable members of the Chukovsky family belonging to three different generations — Kornei Ivanovich, a world famous children’s writer, literary critic and translator, his daughter, Lydia Korneevna, and his granddaughter, Elena Tsezarovna (also known as Liusha). The reader will learn how K. I. Chukovsky’s letters with commentaries were prepared for publication, how the fight for Chukovsky’s house in Peredelkino was fought (it took quite a while for it to become a museum). The author also tells us how he took part in safekeeping of A. I. Solzhenitsyn’s archive and in distribution of his manuscripts.

FOR CITATION: Krysin L. P. Chukovskie. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2020. No. 1. Pp. 102–117. DOI: 10.31857/S013161170008307-6.

Было бы странно, если б я взялся за анализ творчества всемирно известного детского писателя-сказочника, критика, литературоведа, переводчика и литературной деятельности его талантливой дочери, — это давно сделали специалисты. Мои же заметки о Чуковских — личные: это рассказ об обстоятельствах, в которых я познакомился и в течение некоторого времени общался с тремя — на мой взгляд, самыми замечательными — представителями большого семейного клана Чуковских, родоначальником которого был Корней Иванович.

Корней Иванович

Мое знакомство с ним было необычным: не я к нему пришел, а... он ко мне! Это произошло в 1962 году. Я работал в это время в Институте русского языка на Волхонке (где работаю и сейчас, в 2019-м).

В один из июльских дней я шел по коридору третьего этажа, где помещался наш сектор — сектор современного русского языка и культуры речи. Выйдя на лестничную площадку и собравшись спуститься вниз, я увидел поднимающегося мне навстречу Корнея Ивановича Чуковского, которого я, конечно, сразу же узнал по многочисленным его фотографиям. Он был одет в какой-то заморский костюм стального цвета, безупречно сидевший на этом восьмидесятилетнем... хотел написать «старики», но такое слово совсем не подходило к прямой фигуре, энергичному шагу и оживленному лицу этого человека.

Поравнявшись со мной, Чуковский спросил:

— Где я могу найти сотрудников вашего института Крысина и Скворцова?

Несколько обалдевший от его вопроса и от всей этой ситуации, я ответил, что один из этих сотрудников — я и фамилия моя Крысин.

— Где мы с вами могли бы поговорить?

Я повел Корнея Ивановича в нашу комнату, где сидело второе лицо, интересовавшее Чуковского, — мой однокурсник Лёвка Скворцов. Чуковский сел за один из обшарпанных столов в нашей тесной комнате и объяснил цель своего визита: он написал книгу о русском языке — «Живой как жизнь», которую выпустило издательство «Молодая гвардия», и, собираясь готовить второе ее издание, хотел бы узнать наше мнение об этой книге — в виде рецензии на нее. Такое внимание к нашим персонам объяснялось тем, что в 1962 году в издательстве Академии наук СССР вышел небольшой словарь «Правильность русской речи». Авторами были мы с Лёвкой, а работой над словарем руководил Сергей Иванович Ожегов, заведовавший нашим сектором¹.

Правильность современной русской речи была как раз одной из главных тем книги Корнея Ивановича.

Пока мы разговаривали с Чуковским, одна из сотрудниц нашего сектора, видимо, посчитав вопиюще недопустимым само общение всемирно известного писателя с мальчишками, недавними студентами МГУ, пошла в дирекцию института и привела оттуда заместителя директора института Ивана Федоровича Протченко.

Прежде чем описывать дальнейшее, надо сказать несколько слов об этом человеке. Высокий, плечистый, с очень крепким рукопожатием (я уже успел убедиться в этом, когда, идя по коридору института и встречая кого-либо из молодых сотрудников, Иван Федорович не просто кивал в знак приветствия, а демонстративно протягивал свою большую ладонь для рукопожатия). До недавнего времени Протченко работал в аппарате ЦК партии и был «спущен» в наш институт то ли «для усиления», то ли из-за каких-то своих промахов в своей прежней должности, безусловно более престижной, чем должность заместителя директора такого небольшого и, в масштабах Академии, не очень заметного института, как наш.

Трудно представить себе чиновника более типичного, чем Иван Федорович, — и в манере поведения, и в особенности в том, как он говорил — безжизненно, но веско, книжно, но с претензией на высшую грамотность, используя слова и обороты ненавистного Чуковскому канцелярита.

¹ Правильность русской речи. Опыт словаря-справочника. Составили Л. П. Крысин и Л. И. Скворцов при участии Н. И. Тарабасовой. Под ред. С. И. Ожегова. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962.

С появлением Протченко Корней Иванович как-то увял, но все же продолжил разговор с нами, а теперь уже (вынужденно!) и с Протченко. Мы поблагодарили Корнея Ивановича за оказанную нам честь — написать отзыв для издательства о его замечательной книге — и условились о сроке выполнения этой работы.

К концу сентября довольно объемистая и подробная рецензия была написана, но еще не вполне готова. Дело в том, что Александр Александрович Реформатский (этот человек заслуживает отдельного разговора²), вместе с которым — и, естественно, под руководством которого — мы вели в журнале «Семья и школа» отдел «Поговорим о нашем языке», захотел прочитать нашу рецензию. Мы вручили ему толстую стопку машинописных листов и стали ожидать его реакции (не исключался и полный разгром нашего текста).

Сан Саныч довольно быстро прочитал рецензию, сделал много критических замечаний, но в целом одобрил. Рецензия ушла в издательство³.

Наша встреча с Чуковским вскоре переросла во *встречи*: мы не один раз бывали на даче Корнея Ивановича в Переделкине, и поездки сотрудников нашего сектора⁴ в гости к Чуковскому и, смею надеяться, дружба с ним, длившаяся целых семь лет, вплоть до его кончины 28 октября 1969 года, стали частью нашей жизни. Намечая очередную встречу с К. И., мы созванивались с его секретарем Кларой⁵, которая затем передавала нам согласие Корнея Ивановича на наш визит и точное его время (опаздывать или приезжать раньше было нельзя).

Приехав в Переделкино и войдя в дом Чуковского, мы тут же слышали, как Клара или кто-то другой, кто был в прихожей, громко извещали хо-

² Часть этого «разговора» — в моей статье «Вспоминая Реформатского» (Общественные науки и современность. 2008. № 3. С. 151–155).

³ Второе издание книги «Живой как жизнь» — именно то, о рукописи которого мы писали рецензию, — вышло в 1963 году. Затем было несколько стереотипных изданий. К одному из них, вышедшему в 1982 году, я написал предисловие под названием «Корней Чуковский — исследователь языка».

⁴ Не только нас двоих. Не один раз ездили в Переделкино к Чуковскому Татьяна Григорьевна Винокур (которую Корней Иванович выделял среди нас и к которой относился с особой лаской), Борис Самойлович Шварцкопф, Елена Ивановна Голанова, Эрик Иосифович Ханпира и, возможно, кто-то еще, сейчас уже не помню. Скворцов перестал с нами ездить почти сразу после нашей первой встречи с Чуковским. Объясняя это значительно позже, в своих воспоминаниях о нашем курсе филфака МГУ, он ссылается на академика В. В. Виноградова, который, узнав, что мы посещаем Чуковского, якобы недоуменно сказал Скворцову: — А зачем вам туда ездить? Пусть ездят к Чуковскому Шварцкопф, Винокур... (см.: Моховая, 9–11. Судьбы, события, память. Воспоминания филологов. М., 2010. С. 173–174).

Вранье! Виктор Владимирович Виноградов не был антисемитом.

⁵ Клара Израилевна Лозовская (1924–2011) — секретарь К. И. Чуковского с 1953 г. и до конца его жизни.

Корней Иванович Чуковский | Kornei Chukovskii
(1882–1969) | (1882–1969)

зяина, находившегося в своем кабинете на втором этаже:

— Лингвисты приехали.

Корней Иванович приглашал нас к себе. Но иногда, будучи в игровом настроении, он в ответ на сообщение о приезде лингвистов своим высоким голосом возвещал:

— Скажите им, что я умер!

После чего нас всё же любезно препровождали на второй этаж, где полтора-два часа длилась наша очередная встреча с К. И., в которой мы были по преимуществу в роли слушателей, а рассказчиком — и еще каким! — был хозяин кабинета.

Летом 1965 года по инициативе Корнея Ивановича на даче в Переделкине была снята телевизионная передача, посвященная современному русскому языку, — с участием как раз тех сотрудников нашего института, которые бывали гостями Чуковского, ну и, естественно, самого автора книги «Живой как жизнь».

Передача прошла в эфир. Помню, что я остался недоволен тем, как и что я говорил с телеэкрана.

Во время наших визитов в Переделкино Корней Иванович обычно был бодр, оживлен (а ему шел девятый десяток и его мучила сопровождавшая всю его жизнь бессонница). Он много и остроумно рассказывал о тех писателях, художниках, критиках, журналистах прошлого, которых хорошо знал. А знаком он был и с такими знаменитыми, выдающимися деятелями русской культуры, как писатели Максим Горький и Алексей Толстой, поэты Александр Блок и Анна Ахматова, художники Илья Репин и Мстислав Добужинский, и с такими ныне полузабытыми, как писатель Леонид Добычин или историк литературы, критик Евгений Ляцкий. С некоторыми из них он дружил.

Запомнились его рассказы о двух поездках в Англию. Одна была в 1916 году, вместе с Алексеем Толстым и В. Д. Набоковым (отцом В. В. Набокова), а вторая в 1962-м, когда отметившему свое восьмидесятилетие Чуковскому была присвоена *honoris causa* (то есть «честь ради», без за-

щиты диссертации) ученая степень доктора литературы Оксфордского университета. Иногда Чуковский торжественно и в то же время шутиливо надевал мантию доктора и полагавшийся к ней головной убор, демонстрируя гостям свой новый статус.

Интересовался он и нашими научными делами, расспрашивал о сборнике «Вопросы культуры речи», который время от времени (к сожалению, нерегулярно) выходил под редакцией Сергея Ивановича Ожегова, об академике В. В. Виноградове, к которому относился с большим уважением, о том, каковы наши научные интересы и чем именно занимается каждый из нас. Этот интерес его был искренний, живой и неподдельный, хотя нередко Корней Иванович проявлял его в шутиливой и даже несколько ёрнической форме, притворно удивляясь нашим научным успехам.

В середине 1968 года, в одну из последних моих встреч с Корнеем Ивановичем, я подарил ему мою только что вышедшую в издательстве «Наука» книжку «Иноязычные слова в современном русском языке» под редакцией В. В. Виноградова. Притворно ахнув, Чуковский изумленно спросил: «Это вы сами написали?» И, услышав мое смущенное «да», продолжил: «А что, академик Виноградов вам помогал?» Я ответил, что Виноградову принадлежала идея этой книжки, а до того он осуществлял научное руководство моей работой над кандидатской диссертацией на эту тему. В данном же случае его участие — как ответственного редактора книги — было лишь формальным.

Хорошо известны отстраненные, но всё же оппозиционные отношения Чуковского с властью: он не раз вступался за несправедливо преследуемых, подписывал письма в защиту ложно обвиняемых писателей и поэтов, хотя, конечно, он не был так бескомпромиссен и смел, как его дочь, Лидия Корнеевна.

В дни, когда преследованиям подвергся А. И. Солженицын, в советской печати во множестве появились статьи, громившие этого писателя, полные клеветы на его военное прошлое, на его гражданскую позицию. Одна из таких статей была опубликована в газете «Литература и жизнь» (за верноподданничество ее коротко и пренебрежительно называли «ЛиЖи»). Я написал письмо в редакцию этой газеты, возмущаясь лживостью статьи, и один экземпляр письма отправил в редакцию (почти уверенный, что ответа не будет), а копию опустил в почтовый ящик московской квартиры Чуковских. Мне хотелось услышать от Корнея Ивановича его мнение и об этой статье, и о моем письме.

Довольно долго с его стороны не было никакой реакции. Месяца через два во время очередной нашей прогулки с Чуковским по улицам Переделкина Корней Иванович, взяв меня под руку, отделился от общей группы гостей и сказал, что прочитал мое письмо, считает его совершенно

справедливым, и спросил меня: «Зачем вы это делаете? Разве можно надеяться на то, что эти люди хотя бы прочтут ваше письмо, не говоря уж об ответе на него? А для вас это опасно, не стоит так рисковать...»

В пору наших поездок в гости к Чуковскому он был для меня прежде всего детским писателем. Конечно, я знал его книгу о Некрасове, читал его «Современников», но мало знаком был с его дореволюционной жизнью в литературе, в журналистике, да и почти ничего не знал о его детстве, о семье, о друзьях. Многое из всего этого я узнал, к сожалению, после его смерти, когда по предложению Лидии Корнеевны и Люши стал готовить сначала одну, а затем и другие публикации избранных писем Чуковского.

Лидия Корнеевна

До этого предложения я смутно представлял себе труд публикатора и комментатора архивных материалов. И сначала отнесся к этому предложению Лидии Корнеевны несколько легкомысленно. Только начав рыться в архивах (а ведь большинство корреспондентов Чуковского давно ушло в мир иной), переписываться с еще живыми адресатами, изучать обстоятельства и темы, фигурировавшие в письмах, комментировать имена, факты, события, сведения о которых в письмах почти всегда были отрывочны, я понял, насколько трудна и ответственна роль публикатора.

Почти все предполагавшиеся к изданию письма относились к первой трети XX века и были насыщены именами писателей, критиков, художников, названиями книг и статей, журналов, издательств, кружков, литературных и общественных событий и многим другим, что требовало разъяснений и комментариев. Этим я и занимался. А поскольку по своей профессии я был далек от подобных занятий и никогда прежде ничего похожего не делал, то почти на каждом шагу, при всем моем старании, попадал впросак. И Лидия Корнеевна оказала мне здесь неоценимую помощь. У меня до сих пор хранятся ее замечания к моим комментариям — толстая пачка листов, исписанных ее крупным почерком.

Готовя публикацию писем Чуковского, надо было не только собрать его письма, но и познакомиться с письмами его адресатов — от Ильи Репина и Льва Толстого (да-да! Есть в архиве К. И. Чуковского копия письма, посланного им в 1906 году Льву Николаевичу Толстому) до академика В. В. Виноградова и Татьяны Григорьевны Винокур.

Примерно с середины 1970 года я засел в ЦГАЛИ (Центральном государственном архиве литературы и искусства) и стал набирать сведения о дореволюционных и более поздних письмах Чуковского. Результатом этой работы явилась картотека, содержащая точные архивные адреса всего, что касалось переписки Чуковского (в дальнейшем эта картотека была ис-

Лидия Корнеевна
Чуковская (1907–1996)

Lidia Chukovskaya
(1907–1996)

пользована при подготовке тома писем в пятнадцатитомном собрании сочинений К. И. Чуковского). Не было в ту пору Интернета, а то многое можно было бы легче узнать из Википедии и из других интернет-ресурсов.

В начале 1971 года подборка писем Чуковского с моими комментариями, как я считал, была готова, и я принес ее на суд Лидии Корнеевны.

Суд был скор и весьма немилосерден. Подробности этого суда — дальше, в рассказе о Лидии Корнеевне, главным образом как о необыкновенно чутком знатоке русского языка и литературном редакторе.

О том, что Лидия Корнеевна Чуковская была необычайно внимательна не только к слогу и слову, но и к каждой букве написанного и к каждому звуку произнесенного текста, хорошо известно. Хорошо известна и ее книга «В лаборатории редактора», где изложены ее взгляды на само ремесло редактора, на принципы редактирования литературного текста, где автор делится с читателем своим редакторским опытом. Но в том, насколько внимательным, придирчивым редактором была Лидия Корнеевна, я мог убедиться и на собственном опыте.

Некоторые из ее замечаний к моим комментариям, сопровождавшим тексты писем К. И. Чуковского, на мой взгляд, представляют интерес для характеристики не только редакторской манеры Лидии Корнеевны, но и ее языкового вкуса и чутья, ее отношения к языку.

Например, в комментарии к письму, которое касалось протестов против смертной казни и было адресовано Корнеем Чуковским (в то время, в 1906 году, — еще двадцатичетырехлетним Николаем Васильевичем Корнейчуковым) Льву Толстому, я написал: «В числе других писателей, которым Чуковский предложил выступить в печати, был Л. Н. Толстой». Замечание Л. К.: «Толстой нигде и никогда не может быть “в числе других”».

Лидия Корнеевна прекрасно слышала написанный текст, даже в таком сухом жанре, как комментарии. Она замечает, например, что у меня в одном абзаце (хотя и не рядом) — «неприятные рифмы: издавал — журнал — просуществовал», в другом месте советует заменить «к изданию» на «к печати» — «чтобы избежать рифмы». О еще одном моем примечании она пишет: «Нескладно, натянуто, корявовато (слышно, если читать вслух): как редактор и издатель». Иногда «корявовато» выходит от недопустимого стечения падежей. «Невозможно, — пишет Л. К., — “переведенными Чуковским стихами Уитмена” — падежи торчат в разные стороны (это месть за попытку втянуть всё в одну фразу; “а оно не лезет — нажал и сломал”). Можно и в одну, но расчленять в соответствии с дыханием и слухом».

Нечего говорить о том, сколь безошибочно определяла Лидия Корнеевна стилистическую неуместность слова или оборота: «“Литературные контакты”, — цитирует она мое предисловие к подборке писем, — холодно, иностранно и сверхмодно: “торговые контакты”, “деловые контакты”, “личные контакты”». Очень не любила она отдающие канцелярщиной обороты «имеется в виду» и «в связи» (а без них в литературных комментариях иногда трудно обойтись). И нещадно вытравляла у меня эти обороты («Можно дать библиографическую справку без “имеется в виду”»; «М. б., в примечании для разнообразия вместо “в связи” сказать — “по случаю”?»), хотя иногда это и ей не удавалось: «“Имеется в виду” — не очень вкусно, а выхода, признаюсь, не вижу».

Л. К. указывала мне на языковые анахронизмы: «“На базе” — уж очень по-нашему!»; «“Ведущий критик” — штамп, да и не было тогда такого понятия», — на двусмысленности: так, в названии подборки «Письма К. Чуковского разных лет» она справедливо усматривала второй, нелепый смысл — ‘Чуковский разных лет’ — и предлагала изменить название. В публикации писем Корнея Ивановича я заменил этот неуклюжий оборот цитатой из Н. Заболоцкого (которая фигурирует в одном из писем Корнея Ивановича): «Не позволяй душе лениться...», с подзаголовком «(Письма К. Чуковского)», но редакция, к сожалению, оставила первый вариант⁶.

Иногда замечания Лидии Корнеевны, относившиеся, казалось бы, к слову, исправляли текст примечаний не только стилистически, но и содержательно. Так, Л. К. настоятельно советовала сказать о С. Я. Маршаке, что он был фактическим руководителем ленинградской редакции Детгиза, «потому что формально он числился лишь консультантом».

⁶ Письма К. Чуковского разных лет. Вступительная статья, публикация и комментарий Л. Крысина // Вопросы литературы. 1972. № 1. С. 152–182. Подготовленные мной подборки писем К. Чуковского были опубликованы также в журналах «Звезда», «Детская литература», «Русская речь».

Некоторые высказывания Лидии Корнеевны касались не столько языка моих комментариев, сколько современной русской речи вообще и пространственных речевых новшеств и ошибок. Например, по поводу склонения иностранных собственных имен она замечает: «К. И. всегда склонял Жюль Верна, Марко Вовчка — и это хорошо — это в духе нашего языка (как Вы знаете). Думаю, и Вам в примечаниях надо склонять».

«“Процесс по делу”, — пишет Л. К., цитируя один из моих комментариев, — неладно. “Процесс” требует родительного падежа. Например: “процесс Веры Засулич” (суд над, расправа с; у нас всё перепутали и пишут “процесс над”, “расправа над”... Вы же изобрели “процесс по”. Процесс бывает ч е й)». Думаю все же, что не я был изобретателем этого оборота: синтаксические конструкции с предлогом *по* уже и в 70-е годы прошлого века были весьма распространены, не говоря о нынешнем времени, когда то и дело слышим и читаем о *переговорах по поставкам оружия* или о *соглашении по газовой трубе*.

Эти и другие, похожие высказывания Л. К. перекликаются с тем, о чем она позднее, незадолго до смерти, писала в статье «Моя грач прилетела» (газета «Невское время», 10 января 1996 г.). В этой статье она горестно сокрушается по поводу порчи и оскудения нашей речи. Возмущается неправильным согласованием определений и сказуемых с существительными типа *врач*. Произнести *Моя врач велела*, считала Лидия Корнеевна, это все равно что сказать *Моя грач прилетела*... И не только об этом частном явлении говорилось в ее статье. Приводя многочисленные примеры ошибок в ударении (*прѐнять*, *намерѐние* и под.), в склонении (*живу в Одинцово* — почему не *в Одинцове?*), примеры того, как женщин неоправданно именуют переводчиками, а не переводчицами, корреспондентами, а не корреспондентками, сетуя на то, что «интеллигенция лишилась иммунитета» и «не совершает отбора» языковых средств, — Л. К. констатирует: «Случилось несчастье: он [русский язык] оскудевает и мертвоет на наших глазах (и в наших ушах)... Рушится самая основа: отмирают дополнения, не склоняются почему-то названия местностей и имена числительные». И завершает свою статью горьким восклицанием, обращенным к русскому языку: «Остался у меня один вопрос: жив ли ты — живой как жизнь?»

Отвечая на этот вопрос, надо с уверенностью сказать: да, жив, — это несомненно. Доказательства такого утверждения многочисленны, и одно из них — язык произведений самой Лидии Корнеевны Чуковской, нашей современницы.

Мое общение с Лидией Корнеевной продолжилось и после моих публикаций писем К. Чуковского. Этому способствовало одно обстоятельство, касавшееся дачи Чуковского в Переделкине.

Спустя некоторое время после смерти Корнея Ивановича (он умер 28 октября 1969 года) Союз советских писателей и Литфонд вознамерились выселить его дочь и его внуку из переделкинского дома, а сам дом снести⁷. Между тем дом Чуковского уже в течение нескольких лет после смерти его хозяина был «самодельным» музеем писателя: там были добровольцы-экскурсоводы, туда приезжали и школьники, и взрослые, интересовавшиеся жизнью и творчеством знаменитого сказочника.

И Лидия Корнеевна, и Люша не без оснований предполагали, что в их отсутствие дом могут просто захватить представители упомянутых писательских организаций. Поэтому было принято решение организовать круглосуточное дежурство добровольцев из числа близких к Чуковским людей. Я был среди тех, к кому обратились эти две мужественные женщины. В середине 80-х годов я стал регулярно ездить в Переделкино и с утра понедельника до вечера вторника жил в этом доме. Вечером во вторник приезжала на такси Лидия Корнеевна, и уже она до пятницы стояла на страже дома-музея, а в пятницу ее менял на этом посту Павел Крючков — молодой журналист, преданный семье Чуковских (впоследствии, когда музей — после многолетней мучительной борьбы за него — приобрел статус государственного, Паша стал сотрудником музея; ныне Павел Крючков — известный литературный критик, заместитель главного редактора журнала «Новый мир»).

Нередко бывало так, что ни Л. К., ни Павел не могли соблюдать установленный режим наших дежурств: Л. К. — из-за плохого самочувствия, а Павел — по занятости неотложными делами. И тогда я оставался в доме Чуковских на несколько дней, иногда на неделю. Там, на втором этаже дома, напротив кабинета Корнея Ивановича, было положено начало моей работе над «Толковым словарем иноязычных слов»⁸, и библиотека К. И., в которой немалое место занимали словари и энциклопедические справочники (в том числе многотомная «Encyclopedia Britannica»), существенно помогла мне в этой работе. Сам себя я называл «сторож-исследователь» — по образцу термина «стажер-исследователь», который бытовал некоторое время в академических кругах. Зимой, в перерывах между работой над словарем, я чистил снег на дорожках дачи, а вечером отправлялся гулять по пустынным переделкинским улицам. По предложению хозяев дома спал я в небольшой комнате на первом этаже. Во второй половине 60-х годов в этой же комнате некоторое время жил и работал приглашен-

⁷ История борьбы за этот дом описана в статье-интервью Елены Цезаревны Чуковской «Дом, который съел Бармалей» (Е. Чуковская. «Чукоккала» и около. М.: ИПЦ «Жизнь и мысль», 2014. С. 101–107).

⁸ Л. П. Крысин. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Русский язык, 1998 (6-е издание, исправленное и дополненное, — М.: ЭКСМО, 2010).

ный Чуковскими Александр Исаевич Солженицын, скрывавшийся от преследований его со стороны власти.

Надо сказать, что Лидии Корнеевне «дежурство» на даче отца давалось ох как нелегко! Она была человеком больным, много лет мучилась от мерцательной аритмии; у нее было очень слабое зрение, и ее комната в московской квартире Чуковских была увешана и уставлена ярко горевшими осветительными приборами. Писала она крупными буквами, используя пишущие приборы, которые оставляли на бумаге отчетливый, хорошо видный след. Но можно было только позавидовать духу этой старой и больной женщины! Она была блестящим публицистом, но ее редко печатали из-за неуступчивости и упорства, с которыми она отстаивала каждое слово в своих обличительных, ярких статьях.

Возвращаюсь к нашим встречам с Л. К. в Переделкине.

Иногда вторничными вечерами, когда Лидия Корнеевна отдыхала после дороги из Москвы в Переделкино, а я еще только собирался к себе домой, мы беседовали с нею на лингвистические темы, а именно — об оскудении и порче русского языка. Беседы наши не всегда велись в полном взаимном согласии — доходило и до споров. При этом, если Лидия Корнеевна была в чем-то убеждена, «сдвинуть» ее с этого убеждения, несмотря на его ошибочность, было очень трудно или просто невозможно. Приведу один пример нашего спора.

Лидия Корнеевна считала, что названия сёл, кончающиеся на буквосочетание *-инó* (с ударением на последнем гласном): *Бородино*, *Шамордино* и подобные, — в форме творительного падежа должны иметь окончание *-ым* (а не *-ом*, как велит русская грамматика). То есть надо говорить и писать: *битва под БородинЫМ, рядом с ШамординЫМ*. На мой вопрос, как же быть с похожими фамилиями, у которых в творительном падеже тоже это *-ым*, она отвечала, что это ничему не мешает. Мешает, настаивал я: ведь если грамотный человек услышит или прочитает словосочетание *рядом с БородинЫМ*, он даже не усомнится в том, что речь идет о человеке с фамилией *Бородин*, а не о знаменитом селе.

Мое возражение не имело никакого результата: Лидия Корнеевна осталась при своем мнении.

Люша

В коротком некрологе о Елене Цезаревне Чуковской литературный критик Самуил Лурье написал:

«Ее дед был гений. Ее мать была — герой. Сама же Елена Цезаревна была святая.

Всю свою жизнь, до последних дней, потратила на то, чтобы всё, что написали ее дед, мать и А. И. Солженицын, — было прочитано хотя бы несколькими людьми, а лучше — многими, а в идеале — всеми.

Видела в этом свой долг. Вообще-то, это был долг русской культуры перед страной и страны — перед культурой. Ни та, ни другая исполнять его не хотели. Елена Цезаревна перевела его на себя. Исполняла его неутомимо и умело. Насколько хватило ее сил — намного превосходивших обычные человеческие — исполнила. Совершила подвиг.

Вот, собственно, и всё, что надо сказать. Кто помнит значение употребленных выше слов, тот и сам понимает, что случилось. На этой земле, под этим небом не стало последнего безупречного человека.

Елена Цезаревна была прекрасна и умна, великодушна и отважна. Что она жила среди нас — это было счастье. Мало кем осознаваемое. Никем не заслуженное».⁹

Для многих она была не Елена Цезаревна, а Люша. Домашнее имя ее знали не только те, кто дружил или просто общался с нею, но и те, кто знал, что она есть, что она занимается публикацией литературного наследия ее деда и матери.

Мое знакомство с Люшей связано с двумя обстоятельствами.

Первое — подготовка нескольких публикаций писем Корнея Ивановича (об одной из них я уже рассказывал выше).

Второе — помощь А. И. Солженицыну, во-первых, в распечатке и распространении его произведений в условиях официального запрета на его имя и творчество и, во-вторых, в хранении его архива. То и другое надо было делать втайне от недремлющего гэбистского ока. Первой задачей, гигантской по объему и технически неимоверно трудной, занималась Люша; в решении второй главным исполнителем была Люша, а я играл роли отчасти курьера, отчасти хранителя архива А. И. Солженицына.

Елена Цезаревна Чуковская была химиком по образованию и профессии. Окончив химический факультет Московского университета в 1954 году, до конца 80-х работала в академическом Институте элементо-органических соединений. У нее были серьезные научные публикации. Но основным своим делом она считала изучение литературного наследия деда и матери и издание их неопубликованных произведений.

Главной задачей была подготовка к печати и публикация знаменитого рукописного альманаха Чуковского «Чукоккала», первое издание которого увидело свет только в 1979 году. Это был сильно урезанный текст настоящей «Чукоккалы», из которой издатели выбросили негодные властям имена Н. Гумилева, Е. Замятина, Б. Лившица и других знаменитых

⁹ С. Лурье. На смерть Елены Чуковской // Новая газета. 5.01.2015.

Елена Цезаревна Чуковская (1931–2015)	Elena Chukovskaya (1931–2015)
---	-------------------------------------

писателей, поэтов, критиков. Но и за это, неполное издание у Люши шла изнурительная борьба с литературным и издательским начальством, с цензорами, кончившаяся, к счастью, ее победой. Полный же текст «Чукоккалы», с подробными и в высшей степени квалифицированными комментариями Е. Ц. Чуковской, вышел в 1999 году, то есть через тридцать лет после смерти создателя этого уникального альманаха!

В течение многих лет Люша работала над подготовкой к изданию произведений деда и матери. Под ее редакцией, с ее комментариями и тщательно выверенным справочным аппаратом вышло пятнадцатитомное собрание сочинений Корнея Чуковского, его дневники, которые он вел более шестидесяти лет своей жизни. Такие книги, как «Прочерк», «Процесс исключения», «Дом поэта» Лидии Корнеевны Чуковской, ее публицистические статьи, сборник стихотворений были опубликованы в значительной степени благодаря усилиям Люши. Публикация в виде отдельных изданий переписки Л. Чуковской с Давидом Самойловым, с А. И. Солженицыным, с Л. Пантелеевым — также ее заслуга. Профессиональный химик, Люша оказалась столь же профессиональным издателем литературного наследия ее деда и ее матери.

Параллельно с этой литературоведческой и издательской работой шла работа тайная, тщательно скрываемая от властей: Люша была одним из основных помощников Александра Исаевича Солженицына. Об этом он сам написал в книге «Бодался теленок с дубом» (глава «Невидимки»). В обстановке гонений на писателя, полного запрета не только на издание его книг, но и на само его имя Люша взяла на себя гигантский труд по перепечатке его объемистых рукописей и главного его произведения — документально-художественного романа «Архипелаг ГУЛаг».

В конце 60-х — 70-х годах XX века не было Интернета, не было принтеров, доступ ко ксерокопировальной технике был под строгим надзором

КГБ. Вот и приходилось перепечатывать на машинке написанные плотным мелким почерком Солженицына страницы его рукописей, а затем фотографировать машинописные листы на обычную пленку (это делала, насколько я знаю, не Люша, а кто-то другой из «невидимок») — чтобы легче было сохранять, чтобы можно было отправлять зарубежным издателям.

Готовя к изданию письма Корнея Ивановича, я приезжал в московскую квартиру Чуковских, где мы с Люшей просматривали подборки писем, комментарии к ним, уточняли справочные ссылки на имена, события, даты. Я с благодарностью выслушивал ее весьма существенные критические замечания и вносил соответствующую правку.

Во время этих встреч мы обсуждали и то, что касалось литературных дел А. И. Солженицына, и наши действия, связанные с перепечаткой его рукописей и хранением его архива. Но обсуждали это уже не вслух, а с помощью специальной доски, на которой можно было писать и по прочтении стирать написанное. Это делалось потому, что и Люша, и Лидия Корнеевна не без оснований предполагали, что в их квартире установлены подслушивающие «жучки».

О том, что власть была, мягко говоря, не равнодушна к связям Е. Ц. Чуковской с отщепенцем и антисоветчиком А. И. Солженицыным, свидетельствуют покушения на ее жизнь. Во второй половине 70-х годов — к сожалению, я не запомнил точную дату — Люша была сбита мчавшимся на большой скорости грузовиком в условиях, когда Люша в числе других людей переходила улицу и грузовик вполне мог либо затормозить, давая ей пройти, либо проехать мимо нее. С тяжелыми травмами она попала в институт имени Склифосовского и после лечения в нем еще долго приходила в себя и физически, и душевно. Спустя некоторое время было совершено нападение на нее в подъезде дома, в котором жили Чуковские, в результате чего Люша получила травму позвоночника и в течение целого года была вынуждена спать на спине на голом полу.

Поражала и поражает стойкость этой хрупкой женщины, ее непоказное упорство в исполнении тех дел, которые были связаны с литературным наследием ее деда и матери, с отстаиванием переделкинских дома и превращением его в общедоступный музей Корнея Чуковского, с помощью А. И. Солженицыну да и с ее собственным творчеством — издательским, комментаторским, публицистическим, эпистолярным.

Последний раз я виделся с Люшей 23 октября 2014 года — эта дата стоит в конце дарственной надписи, которую Люша сделала на подаренной мне только что вышедшей книге: Елена Чуковская «“Чукоккала” и около».

Ничто не предвещало конца. Люша была такая же, как всегда, — спокойная, внимательная к собеседнику, погруженная в литературно-изда-

тельские дела и с увлечением рассказывавшая о них. Только позже, после ее кончины, у меня возникло ощущение некоей «итоговости» Люшиного настроения: она сделала все, что должна была сделать. Вспомнил ее фразу, сказанную мимоходом, когда я уже уходил и прощался с нею (поэтому и не обратил на эту фразу особого внимания), — о том, что она ненадолго ляжет в больницу. Уже находясь в больнице, накануне операции она звонила мне и беспокоилась о магнитофонных пленках с записью чтения А. И. Солженицыным его «Крохоток», глав «Ракового корпуса» и «В круге первом», которые я хранил у себя дома, советовала передать их Наташе (Наталье Дмитриевне Солженицыной).

Третьего января 2015 года она умерла. Прощание с нею происходило в «Доме русского зарубежья» имени А. Солженицына на Таганке. Похоронили Люшу там же, где лежат ее дед и мать, — на писательском кладбище в Переделкине.

Октябрь 2019